

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ СЕРИЯ

А. П. Егидес

ПСИХОЛОГИЯ КОНФЛИКТА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Рекомендовано Общественным советом
содействия повышению качества высшего образования

Нажмите здесь, чтобы купить полную версию

КРАТКОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Понятийный аппарат в психологической конфликтологии	18
Глава 2. Проблемы отношений и общения	35
Глава 3. Причины и психогенез межличностных конфликтов в отношениях и общении	44
Глава 4. Значение межличностных конфликтов в жизни человека	71
Глава 5. Пути деконфликтизации отношений и общения	86
Глава 6. Оптимизация инициального коммуникативного поведения	125
Глава 7. Оптимизация реагирования на конфликтогены	232
Глава 8. Технологии психокоррекционных теоретических и тренинговых занятий по оптимизации делового общения	273

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	11
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	17

Глава 1

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Вопросы классификации	18
Проблема определения понятия «конфликт»	26
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	34

Глава 2

ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ И ОБЩЕНИЯ

Словари и научные издания об отношениях и общении	35
Деловое общение и другие виды общения	40
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	43

Глава 3

ПРИЧИНЫ И ПСИХОГЕНЕЗ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ В ОТНОШЕНИЯХ И ОБЩЕНИИ

Причины	44
Психогенез	59
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	70

Глава 4

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Минусы стихийного конфликтного процесса	71
Самочувствие участников межличностного конфликта	71
Межличностные конфликты разрушают отношения	72
Последствия больших социальных конфликтов	74
Влияние межличностных конфликтов на здоровье	75
Плюсы конфликтов	83
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	85

Глава 5

ПУТИ ДЕКОНФЛИКТИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ И ОБЩЕНИЯ

Принципы консультирования	87
Посредничество	88

Переговоры без посредника	92
Нравственно-психологические основы оптимизации отношений и общения	94
Диалог	102
Образовательные программы по конфликтологии	104
Психокоррекционные сообщества	106
Пути деконфликтизации: наши предложения	109
Требования к реагированию на конфликтогены	112
Достоинство	112
Наказание за конфликтоген	114
Конструктивное разрешение противоречия	115
Снизить межличностную напряженность	116
Уменьшить внутриличностную напряженность	116
Дать возможность ответного хода	118
Ситуация должна быть управляема	119
Аутентичность нашего поведения в конфликте	119
Глубокий нравственно-психологический анализ коммуникативной ситуации	119
Вопросы самоактуализации и психологии «бытия/обладания» в реагировании на конфликтогены	120
Почему люди практикуют неоптимальные формы?	120
Другие возможности	121
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	124

Глава 6

ОПТИМИЗАЦИЯ ИНИЦИАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Конфликтогены и синтоны, связанные с позициями «выше»—«ниже»—«на равных»	125
Общественный и межличностный договор	129
Искренние мелкие услуги как синтонный посыл	132
Этикет и конфликтогенное коммуникативное поведение	133
Плагиат и сочувственное цитирование со ссылкой	135
Этика общения в кругах новых знакомых	136
Конфликтологическое значение оценок	137
Оценки и дети	141
Темы отрицательных оценок	142
Почему людям дают отрицательные оценки?	144
Ситуация оценивания	146
Как защищаться от отрицательных оценок?	147

Нейтральная позиция в оценивании	147
Помогать надо тактично	149
Направленность на поиск в людях положительных качеств	150
Положительная оценка с пристройкой сверху	152
Конфликтогенное значение обвинений	153
Как следствие обвинений — психологическая защита	154
А каковы причины обвинений?	154
Целесообразнее импунитивность	155
Но еще лучше интрапунитивность	156
Если виноват, лучше сразу извиниться	157
Конфликтологические аспекты юмора	158
Всегда ли не грешно смеяться?	158
Как реагируют люди на юмор?	161
Как следует относиться к юмору в общении?	162
Юмор в семье	163
Можно ли эффективно защищаться от унижающего юмора?	166
Критика	169
Конфликтогенное значение категоричности	169
Активная антикатегоричность	171
Влияние на жизнеповедение	174
Каковы обычно практикуемые способы влияния?	175
Конфликтогенность и синтонность во влиянии на жизнеповедение	176
Авторитарный стиль — это «вместо», а не «вместе»	177
Демократический стиль — это «вместе», а не «вместо»	179
<i>Kontinuum</i> «авторитарность — демократичность»	181
Плюсы и минусы авторитарности	183
Минусы и плюсы демократического стиля влияния	186
Мотивы авторитарности	188
Как же влиять? Еще несколько замечаний	189
Манипуляция	190
Приятие-неприятие	190
Улыбка как знак приятия	190
Хмурое лицо — знак неприятия	191
Молчание — знак несогласия	192
Имена надо запоминать	193

Увеличение психологической дистанции	194
Знаки положительного внимания	194
Уменьшение дистанции	195
Превентивные знаки притяжения	196
Дарите щедро свое общение	196
Притяжение притяжения	197
При общении по делу	198
Быть интересным	199
Отнимать у партнера потребное ему внимание	200
Сосредоточить на партнере потребное ему внимание	200
Тайны от партнера по общению конфликтогенны	200
Искусство разговора	203
«Не, ты послушай, что я тебе скажу»	203
Надо дать себя перебить	206
Надо вдохновлять на разговор	207
Сопrotивление безостановочно говорящему человеку	211
Конфликтогенное значение неблагодарности	212
Психологические причины неблагодарности	212
Синтонное значение знаков благодарности	214
Откажемся от «воровской этики»	214
Девальвация благодеяния как конфликтоген	215
Сопrotивление неблагодарному	217
Следуя совету Канта	218
Манипуляция и благодарность	218
Уравнивание благодеяний	219
Защита от девальвации	220
«Заочные» конфликтогены и синтоны	221
Ориентировка в коммуникативной ситуации	225
Синтоны-конфликтогены и психотип	226
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	230

Глава 7

ОПТИМИЗАЦИЯ РЕАГИРОВАНИЯ НА КОНФЛИКТОГЕНЫ

Мягкая конфронтация	232
Нравственно-психологический анализ ситуации	233
Описание своего состояния	233

Просьба снять конфликтоген	234
Частичное оправдание партнера	234
Мирные инициативы	235
Конструктивные предложения	235
Подавить конфликтогены	236
Подавать синтоны	237
Интонации	237
Взор	238
Поза	239
Жесты	239
Жесткая конфронтация	240
Формулирование обвинения	240
Требование снять конфликтоген	241
Мирные инициативы	241
Конструктивные предложения	242
Формулирование угрозы	242
Подача допустимых конфликтогенов	243
Изъятие синтонов	243
Интонации	244
Взор	245
Поза	245
Жесты	245
Управляемый конфликт	246
Если нет инстанции	246
Управляемый конфликт при наличии инстанции	246
Знакомство	247
Надо усесться	247
Репортаж об инциденте	248
Вопрос, законно ли то, что описано в репортаже	248
Интонации, взор, жесты, позы	250
Повышение давления в линии «мягкая конфронтация»—«жесткая конфронтация»—«управляемый конфликт»	251
Еще замечания по мягкой и жесткой конфронтации	253
Надо соблюдать этапность	254
Не стоит сбиваться на лексикон Соловья-разбойника	254
Пробуксовка	255

Унизительные компромиссы	255
Дополнительные конфликтогены	255
Уверенное записывание	256
Ориентировка при получении конфликтогена	256
Был ли конфликтоген	257
Преднамеренность-нечаянность	259
Ущерб	259
Подали ли повод?	260
Человек нами не предупреждался	260
Хороший человек	260
Возраст	260
Близкий человек	261
Здоровье	262
Психологическое состояние партнера	262
Мои мотивы	263
Какой у вас психотип?	264
Какой психотип у партнера?	264
Свидетели	265
Соотношение сил	265
Психологическая подготовка	265
Вы у власти	266
Дефицит времени	266
Интеграция в ориентировке	267
Стратегия коммуникативного поведения	268
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	<i>272</i>

Глава 8

ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОКОРРЕКЦИОННЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ТРЕНИНГОВЫХ ЗАНЯТИЙ ПО ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Технология психокоррекционных теоретических занятий по оптимизации делового общения	274
Технология тренинговых занятий по оптимизации инициального коммуникативного поведения	276
Тренинговая техника «Базарчик»	276
Техника «Кто пополнит мусорную корзину?»	283
Техника «Ищи в людях хорошее»	284
Техника «Там и тогда» в приложении к инициальному коммуникативному поведению	285

Технология тренинговых занятий по реагированию на конфликтогены	286
Техника «Ролевой тренинг»	286
Техника «Полевой тренинг»	292
Техника «Там и тогда» в приложении к реагированию на конфликтогены	292
Сравнительный анализ всех видов тренинга	293
Результаты тренинговых занятий по оптимизации коммуникативного поведения	295
Результаты тренингов по оптимизации инициального коммуникативного поведения	295
Результаты тренинговых занятий по оптимизации реагирования на инициальные конфликтогены	298
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	300
Список использованных литературных источников	301

Стало обычным начинать учебники и монографии со слов «методология», «предмет», «цели»... К ним чаще всего прибавляется в родительном падеже слово «наука»... И тогда получается: методология науки, предмет науки, цели науки... Далее, понятно, называется сама наука. И особых возражений нет: методология науки астрономии, предмет (науки) микробиологии, цели информатики (как науки)...

Когда свод сведений о явлениях, именуемых конфликтами, называют конфликтологией, то как с заявкой на будущее с этим можно активно согласиться. Но когда начинают величаво вещать о *методологии науки конфликтологии*, возникает не менее активное сомнение. Создается впечатление, что авторы хотят самоутвердиться: мы, мол, не просто рассуждаем о том, о сем, мы *наукой* занимаемся. Но чтобы сформировалась наука, наверное, должен быть пройден достаточно *длительный* путь интенсивного развития... пусть, полвека... А чтобы говорить о *методологии* какой-либо науки, времени нужно еще больше. И оно должно не просто пройти: надо все многократно продумать, провести дискуссии. Мы обязаны сделать подробные описания явлений, сформулировать строгие определения, хорошо понять классификационные хитросплетения и сложные соотношения частей и целого. Область знания только тогда может считаться наукой, когда в ней появляются также четкие представления о процессах *развития*, о многообразных *причинно-следственных* связях. Должны быть четко изложены сущностные концепции, досконально прописаны технологии. Словом, методология — это некая *устоявшаяся* система методов.

Конечно, *конфликты* сопровождают *всю* историю человечества. Но *конфликтология*, так уж получилось, только нарождается. И если мы не хотим впасть в гордыню, то вынуждены признать, что находимся лишь в начале пути. Даже само выделение конфликтологии в отдельную науку — тоже предмет обсуждения, а не само собой разумеющееся дело. Наверное, свод соображений, суждений, умозаключений, рассуждений, предложений, предположений (и т. д.), высказанных по поводу конфликтов, все же имеет уже право называться конфликтологией. Может быть, даже можно условно говорить о конфликтологии как о *складывающейся науке*. Но такие «высокие» категории, как методология, предмет, цели — обобщающие, заключительные. И в рамках конфликтологии применять их рановато. Мы, «конфликтологи», будем выглядеть лучше, если выступим чуть скромнее...

Конфликты изучает психология, если они внутрличностные и межличностные и если стоит вопрос о коммуникативной стороне дела. Они могут изучаться социологией, если речь идет о противостоянии групп. Они могут быть объектом изучения политологии, если рассматривается столкновение классовых интересов, политических партий. В зоомире могут быть взаимно агрессивные особи. Медицину не могут не интересоваться конфликты как причины болезней. Поэтому собирать все о конфликтах в отдельную область можно лишь с известной долей условности. Но в науке есть прецеденты. Микробиология, например, включает изучение живых объектов, принадлежащих вообще к разным мирам (вирусы, бактерии, простейшие, некоторые грибы) на основании только того, что они микроскопически малы. А у микробиологии длинная история, и со сложившейся традицией считаются. Так что с долей условности, которую мы оговорили, можно согласиться с выделением конфликтологии в отдельную науку.

Поскольку говорить о науке «конфликтология» и о ее методологии можно пока лишь в порядке обсуждения, то тем более рано говорить об истории конфликтологии. В то же время в публикациях такая тенденция явно прослеживается. Наверное, по мнению авторов, это выглядит более весомо. На наш взгляд, более приемлемо словосочетание «историческая справка». Но в порядке хотя бы такой вот «исторической справки» некоторые значимые моменты развития конфликтологии имеет смысл отметить. Сделаем это.

В. М. Лившиц и Н. В. Крылова [1990, № 6, С. 118–123] опубликовали статью «Наукометрический анализ материалов «Психологического журнала» за десять лет». Из 43 выделенных тематических категорий с 1980 г. по 1989 г. «конфликты» занимают предпоследнее место. Им посвящено всего 0,6 % публикаций.

А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов [1996] изучили вопрос о динамике ежегодного общего количества публикаций по проблемам конфликтов. Они начертили кривую, из которой ясно, что в период с 1960 г. по 1985 г. в нашей стране количество конфликтологических публикаций постепенно увеличивалось, а с 1986 г. по 1990 г. оно резко возросло. Если в 1960 г. число публикаций было около 50, а в 1985 г. оно составляло около 80, то в 1990 г. — около 300 публикаций. Постепенно росло количество публикаций и в собственно психологических изданиях.

К этим данным Анцупова и Шипилова сейчас приходится добавить, что последнее десятилетие ознаменовано беспрецедентно большим

числом научных и учебных изданий, в названии которых фигурируют слова **конфликтология** и **конфликт**. «Введение в конфликтологию». «Основы конфликтологии». «Шпаргалки по конфликтологии». Просто «Конфликтология». «Конфликт: за и против». «Выиграть может каждый: как разрешать конфликты». И т. п. В чем причины такого бурного интереса? Конечно же, прежде всего, в осознании учеными из различных научных направлений отрицательного и положительного значения конфликтов и в возрастании научного интереса к трудным вопросам конфликтологии. Но далеко не последнюю роль сыграло и другое обстоятельство — снятие идеологических барьеров. В недалеком прошлом заидеологизированные теоретики марксизма-ленинизма в Советском Союзе допускали при социализме наличие только «неантагонистических конфликтов», на которые и внимания-то обращать не стоило. Этим сдерживалось развитие конфликтологических разработок. Но помимо всего этого собственно научного, «внутринаучного» (имманентного) интереса к предмету, в качестве причины такого лавинообразного возрастания интереса играет роль еще одно обстоятельство. В СССР в каждом вузе преподавали марксистско-ленинскую философию. Она делилась на диалектический материализм, исторический материализм и научный коммунизм. С присущим тому периоду пристрастием к специфическим аббревиатурам диалектический материализм называли диаматом, а исторический материализм — истматом. Научному коммунизму в этом отношении не повезло: не выделили ему аббревиатуры. Но вот марксистско-ленинская «философия» рухнула, и преподаватели диамата стали учить студентов «концепции современного естествознания» (КСЕ). А преподаватели истмата и научного коммунизма стали заниматься конфликтологией и, понятно, преподавать ее. Предметы близкие. Благодаря высвобождению «рабочих рук» стала множиться литература по конфликтологии. На полках книжных магазинов прибавились тонны бумаги с понятием «конфликт». Но в то же время в книгах и статьях часто оставалась все та же марксистско-ленинская терминология.

К тому же приходится констатировать, что пробуждающийся с восьмидесятых-девяностых годов интерес к конфликтам в результате массового участия философов носит в основном **теоретический** характер. Статья Б. И. Хасана [1986. С. 172–176] называется «К разработке психологической **теории** конфликта». Круглый стол в 1991 г. был посвящен «**Теоретическим** проблемам социально-трудовых конфликтов». В журнале «Социологические исследования» появилась рубрика «На пути к **теорети-**

ческой конфликтологии» (выделено нами. — А. Е.). Это если основываться на названиях. Но если провести анализ *содержания* публикаций, то примеры можно умножить.

У отечественных авторов были работы, ориентированные и на практику, но они касались в основном *макросоциальных* конфликтов (этнических, классовых, политических, экономических), что и было обусловлено отмеченной ранее переориентацией на конфликтологию бывших марксистов-ленинистов. Сказанное не означает огульного отрицания соображений авторов марксистского и даже ленинистского толка. Их критика старого и современного капитализма у нас и за рубежом представляет интерес, но их предложения по преодолению минусов капитализма остаются спорными.

Сосредоточим внимание на участии *психологов* в разработке конфликтологических вопросов. А. Я. Анцупов и А. И. Шпилов [1996] почти с гордостью отмечают, что в период с 1925 г. по 1995 г. психологам принадлежит более четверти публикаций по конфликтологии. А нам думается, что такого участия психологов в разработке конфликтологических проблем явно недостаточно. И вот почему. Разве конфликты — это не *в основном психологическая* проблематика? В конце концов, и источники конфликтов, и деконфликтизация общества — темы психологические.

И углубляясь в проблему, решимся утверждать, что в основе и социологии — все она же, *психология*. Это самоясно. Конфликтуют-то социальные группы *личностей*, а не бездушные конгломераты. Дискутируется, правда, вопрос, можно ли назвать конфликтами столкновения животных. Некоторые авторы [Г. М. Штракс, 1977; Н. В. Гришина, 2000] утверждают, что о конфликтах можно говорить только тогда, когда задействованы субъекты, а животных, дескать, субъектами не назовешь. Но ведь существует целый раздел психологии — зоопсихология.

В основе политики (где понятие «конфликт» почти титульное) — все та же психология: принимают политические решения и проявляют политическую волю *личности* или группы личностей.

Даже в большом государстве многое зависит *от личностных качеств государственных деятелей*, от их отношений между собой. А кроме того, на уровне статистического сложения «воль» отдельных, даже «маленьких», людей, которые делают историю, все сводится к *мотивам личностей* как молекул общества. От их «броуновского» движения зависят столкновения между отдельными личностями, а затем и государствами.

Если все отказались бы от зависти к богатству и ненужных престижных вещей, избыточных накоплений, психологии обладания, то не было бы войн и революций. Так что — **психология!**

Экономическая конфликтология? Обогащаться за счет другого старается *личность* с ее эмоциями и волей. И картельный сговор — это сговор между личностями. Так что опять в основе — **психология.**

Педагогическая конфликтология. Юридическая. Региональная. Этно-конфликтология. Рассуждения по отношению к ним аналогичные.

Рискнем высказаться в глобальном ключе. **Психология** — **общий знаменатель для всех гуманитарных наук.** Центральной наукой, цементирующей и все здание конфликтологии, является психология. А уж в межличностных отношениях и общении в любых сферах жизни приоритет психологии тем более очевиден. И вот при всем этом исследователей, как уже говорилось, больше интересуют этнические и трудовые конфликты (забастовки, социальная напряженность на предприятиях). Но разве семейные и дружеские конфликты или межличностные конфликты на производстве *не достойны несколько большего внимания психологов-конфликтологов?*

Сместим теперь акцент на **содержание** конфликтологических разработок. При этом обнаружится, как это подчеркнул лидер в области конфликтологии Дж. Бартон [J. Burton, 1990], что научные работы в основном *объясняют* конфликтные ситуации и *ищут их причины*, в то время как основная задача состоит в создании техники *предотвращения и разрешения конфликтов* (курсив наш. — А. Е.). Последние два десятилетия и характеризуются таким поворотом. В русле сказанного обратим внимание, что четверть века тому назад была опубликована наша статья «Психологическая коррекция конфликтного общения» [А. П. Егидес, 1984. Вып. 5].

М. Дойч и С. Шикман [1991. С. 70] говорят о следующих направлениях конфликтологических исследований за последние десятилетия: выявление условий конструктивного и деструктивного в конфликте; поиск наилучших стратегий и тактик; выявление факторов, способствующих достижению соглашений.

В нашем учебном пособии можно постараться наметить основные направления. Ведь вот пойдем в одном из них — окажемся в какой-то определенной точке. Сместимся хоть на *миллиметр* — окажемся в другой точке, далеко от этой, потому что миллиметр этот — миллиметр шкалы компаса.

Но сейчас трудно даже выстроить приоритеты. Что преподнести раньше? Может быть, начать с личностных психотипов, ведь от того, кто перед нами, зависит, какая должна быть реакция на «его» конфликтные послы. А может быть, лучше сначала разобраться в конфликтных послы самих по себе. Например, частое и с виду невинное «я считаю» грешит категоричностью. А совет заняться своим делом — уже грубость. А может быть... Да мало ли «весомых» критериев. Так что, поскольку выбрать порядок обсуждения трудно, рискнем осуществить «беспринципный принцип»: на что раньше упадет глаз.

Отметим, что подавляющее большинство исследователей-конфликтологов обсуждают конфликты в отношениях и в общении, хотя оговаривается это не всегда. Имеет смысл осознанно относиться к этому факту и отмечать это (если это так). А если это не общение, а физическая борьба (с оружием или без него), то и стоит выделить специально военные конфликты. Имеет смысл обособить также спортивную физическую борьбу, где конфликт воображаемый. По крайней мере, мы осознанно ограничиваем сферу наших научно-практических интересов конфликтами именно в межличностных отношениях и общении, т. е. нас в этом учебном пособии не занимают военные конфликты. И даже политические, государственные и международные могут интересовать постольку, поскольку здесь многое решают межличностные отношения деятелей с их амбициями, что достаточно хорошо видно даже на телеэкранах.

Мы должны избрать схему обсуждения проблемы конфликтов.

Первая в отечественной литературе схема анализа конфликтов принадлежит Л. А. Петровской [1977]. Она выделяет структуру конфликта, его динамику, функции (конструктивные и деструктивные последствия), типологию, управление конфликтом. В «управление конфликтом» входит диагностика, прогнозирование, контролирование, предотвращение, профилактика, ослабление и разрешение.

А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов [1996] в предлагаемой ими схеме выделяют при описании конфликтов сущность, генезис, эволюцию, классификацию, структуру, динамику, функции, личность в конфликте, предупреждение, разрешение, методы изучения.

Мы применяем следующую примерную схему: понятийный аппарат (классификация и определения), психогенез конфликтов (причины и психологические механизмы), значение конфликтов, меры деконфликтации межличностных отношений и общения. Другие позиции, темы и подтемы при необходимости обсуждаются в обозначенных рамках.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Почему рано говорить о методологии и истории науки «конфликтология»?
2. Каковы причины бурного развития конфликтологии в последние два десятилетия?
3. Перечислите публикации и издания, из которых ясно, что конфликтология на сегодняшний день занимается преимущественно теорией.
4. Почему в основе всей конфликтологии должна лежать психология?
5. Изложите предлагаемые конфликтологами схемы обсуждения конфликтов.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

- Вопросы классификации
- Проблема определения понятия «конфликт»

Мы сочувственно процитировали высказывание Дж. Бартона о том, что основная задача состоит в создании техники *предотвращения и разрешения конфликтов*. Но до этого и для этого должен быть создан достаточный и необходимый понятийный аппарат, т. е. встает вопрос о классификациях и определениях.

Вопросы классификации

Авторы одного из крупных междисциплинарных обзоров по конфликтологии А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов [1999. С. 97] делят конфликты на зооконфликты, внутриличностные и социальные. А среди социальных конфликтов выделяют межличностные, конфликты между малыми, средними и большими социальными группами, международные конфликты. Другие классификации близки к этой. Это констатирует и Н. В. Гришина [2000. С. 13].

Представим наглядно эту классификацию на логико-графической схеме (рис. 1).

Рис. 1

Не все согласны с А. Я. Анцуповым и А. И. Шипиловым, что надо выделить «зооконфликты». Столкновения между животными, считают,

например, Г. М. Штракс [1977. С. 26] и Н. В. Гришина [2000. С. 17], нельзя называть конфликтами, потому что в них не участвуют субъекты, дескать, животное — не субъект. Кроме того, по мнению Н. В. Гришиной [2000. С. 13], «Современная психология, по крайней мере, в ее гуманистическом варианте, отвергает правомерность параллелей между психическими проявлениями людей и животных...» Гришина высказывает свои соображения деликатно-осторожно. Это имеет свои веские основания. О зооконflikтах говорят ведь многие авторитетные авторы. В их числе Конрад Лоренц [1994. С. 37] и Эрих Фромм [1999. С. 131]. Может быть, имеет смысл уточнить, что и для воцарения гуманистических целей и идеалов мы должны стоять на почве реальных фактов, которые, по выражению И. П. Павлова, — воздух ученого. А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов [1999. С. 97] справедливо пишут, что в человеке много биологического, что содержание бессознательного и подсознательного в психике человека генетически связано с психикой животных и что исследование конфликтов у животных помогает понять мотивации конфликтного поведения у людей. Преодолеть нецелесообразное конфликтное поведение можно действительно только в том случае, если знать, в том числе, его биогенную природу.

Но главное, нам думается, что стоит сместить акценты в этом споре. Или даже, более того, здесь потребуется принципиально другой подход, который подведет нас к принципиально иной классификации конфликтов.

Попробуем для решения проблемы зайти «с другого конца». По подсчетам А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова [1999. С. 53], на изучение *межличностных конфликтов* приходится 83 % конфликтологических работ. Это само по себе знаменательно, если учесть, что практически все конфликтологи по умолчанию считают межличностный конфликт конфликтом между собственно *двумя личностями*. Однако вопрос, на наш взгляд, чуть сложнее.

Те оставшиеся 17 % работ не только в абсолютном меньшинстве, но и в них фактически фигурируют межличностные конфликты. Рассудим так. Не является ли «межгрупповой конфликт» разновидностью межличностного? Один из основоположников конфликтологии Ральф Дарендорф [1994. С. 142] утверждал, что любой конфликт сводится к «отношениям двух элементов», и даже если участников больше, между ними возникают

Ральф Дарендорф
(1929)

коалиции, и конфликт, таким образом, возвращается к биполярности. Ну а у коалиции есть лидер, а он личность. Две коалиции — два лидера: конфликт межличностный.

Международный конфликт — разновидность межгруппового. Межгрупповой, как было только что установлено, — разновидность межличностного. Как справедливо отмечает Н. В. Гришина [2000. С. 298], «даже межгосударственные конфликты несут отпечаток личности лидеров противостоящих сторон». Это мнение российского автора. Но и В. Квинн [2000. С. 436–437] видит причину войн в лидерах конфликтующих государств. Впрочем, не только о противостоянии лидеров речь. Любой представитель любой группы может «конфликтовать» с любым представителем любой другой группы. А они не только являются представителями двух групп, но и представляют собой две личности.

Интересно соотношение межличностных и внутриличностных конфликтов. На первый взгляд, *внутриличностный конфликт* и *межличностный конфликт* — достаточно разнородные вещи (и объединяются они лишь на том основании, что и тут, и там столкновение), т. е. одно дело, если я подавляю одну волевою альтернативу в себе в пользу другой (хочется утолить голод, но хочется и дописать статью — придется пожертвовать тем или другим). И совсем иное дело, если я подавляю не побуждение у себя, а, например, стремление противника занять мою территорию, т. е. другую вообще волю.

Но поставим парадоксальный вопрос: *а не является ли внутриличностный конфликт по существу межличностным?* Если человек занят делом в одиночку, он «про себя», а иногда и вслух разговаривает сам с собой, т. е. фактически с воображаемым другим. Он противопоставляет одну мысль другой, как бы мнение одного человека — мнению другого. Известный российский психотерапевт В. Л. Леви [1982. С. 252–253] говорит о «внутреннем собеседнике», т. е. внутри «себя» мое «я» «собеседует» с другим моим «я». Мысль не нова. Десятилетием раньше М. М. Бахтин [1972] писал, что внутренняя речь человека имеет диалогизированный характер, и единицы внутренней речи напоминают реплики диалога. Человек «внутри себя» «говорит сам с собой» (т. е. с воображаемым другим. — А. Е.). Г. М. Кучинский [1988. С. 19] противопоставляет **диалогу** (в котором *две смысловые позиции* имеют равное право выражения) **монолог**, для которого свойственна «выраженность в речи говорящего *одной* смысловой позиции» (курсив наш. — А. Е.). «Монолог — это асимметричное взаимодействие... а внутренний монолог — это воздействие...

на себя». Во всем этом легко узнается хрестоматийная парадигма «рече-мышления» выдающегося российского психолога Л. С. Выготского [1996].

От этих рассуждений легко перейти к рассуждениям о внутриличностных конфликтах. «Одному человеку во мне» хочется ударить обидчика, а «другому человеку во мне» хочется сохранить перед обществом лицо порядочного человека, контролирующего себя. Расширим поле. Одному во мне хочется реализовать те или иные сексуальные влечения. Другой во мне требует подчиниться общественным табу на эти влечения. Собственно с этого начинался психоанализ Зигмунда Фрейда.

Зигмунд Фрейд
(1856–1939)

Все это приводит к пониманию внутриличностного конфликта как *интериоризированного* межличностного. «Интерьер» с латыни переводится как внутренний. Интериоризация — изошримся — означает как бы «вовнутривлечение», т. е. межличностный конфликт переносится во внутреннюю сферу (интериоризируется).

Но не только российских психологов уместно вспомнить. Карен Хорни заявила, что много факторов, которые Фрейд считал инстинктивными, на самом деле «культурно обусловлены» [1997. С. 8]. Внутренние конфликты — это столкновения «во мне» (внутри моей личности) культурно обусловленных факторов.

Близость внутриличностных и межличностных конфликтов не только в их принципиальном сходстве, но и в переплетении друг с другом. Н. В. Гришина пишет [2000. С. 121], что внутриличностный конфликт обнаруживает себя во внешних (межличностных) проявлениях, а интерперсональный (межличностный) получает определенное «внутреннее» отражение; при межличностном конфликте имеют место эмоциональные переживания и диалог с самим собой.

Припомним, что А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов делят конфликты на зооконфликты, внутриличностные и социальные. Такая классификация — первое, что приходит на ум. И этим авторы оправданы. Но это похоже на разделение рыб на морских и хищных. Да, есть морские рыбы и есть хищные рыбы. Но логично противопоставить морских рыб пресноводным, а хищных рыб противопоставить нехищным. Тогда получится, что есть морские хищные и морские нехищные, а с другой стороны, есть пресноводные хищные и пресноводные нехищные. Но дальше —

больше: есть хищные пресноводные рыбы и хищные морские, и, никуда не денешься, есть нехищные пресноводные и нехищные морские.

О рыбах мы «позаботились» для простоты иллюстрации. Но переведем это в конфликтологический контекст. Правомерно противопоставить конфликты в *ноосфере* [В. И. Вернадский] и конфликты в *биосфере*. И назвать их: *нооконфликты* и *биоконфликты*. Даже слишком уж принципиальные поборники чистоты гуманистической психологии должны бы принять такое деление и такую терминологию. Поскольку биоконфликты выступают не как сами по себе конфликты, а в противопоставлении нооконфликтам. В ноосфере фигурируют личности, и конфликты в ней — межличностные. В биосфере личностей нет. Единицами, сталкивающимися друг с другом, здесь являются животные, растения, грибы... Если животное с животным — пусть это все-таки будут, как предложили Анцупов и Шипилов, зооконфликты. Тогда они могут рассматриваться как вид биоконфликтов. И, действительно, личностей, как приходится согласиться с Гришиной и Штраксом, здесь нет. Ну, по крайней мере, личностей в полном смысле слова, хотя тут есть над чем поразмыслить. Чтобы быть рядом с человеком, собака изощрается: следит, ищет лазейку, сердится когда ее выгоняют, — это ли не личностные свойства? Ладно, все-таки у нее нет членораздельной речи. Ну а если чиновник не может выразить свою мысль, а пыкает-мыкает — это ведь тоже снижает его личностность... Ну тоже ладно, примем все-таки, что собака и лошадь — не личности, тем более кошка. Так что *зооконфликты* как вид биоконфликтов имеют право так называться. Единицами столкновения тут будут *особи*. Сами по себе зооконфликты тоже дислоцируются вне нооконфликтов и могут быть противопоставлены всем нооконфликтам, природа которых межличностная.

Но как быть с растениями? Одни растения вытесняются другими. Не называют ведь это конфликтами. Согласимся, в русском языке по отношению к антагонизму растений слово «конфликт» не употребляется. Можно так и оставить *антагонизм растений*. А можно по аналогии все-таки образно назвать это *фитоконфликтами*. Это все вообще-то — дело конвенции. Как договоримся, так и будем понимать, ведь это *наша* классификация.

Приведенные рассуждения можно **резюмировать** так. В сфере человеческих отношений (в ноосфере, по Вернадскому) все конфликты являются по своей природе межличностными. Они подразделяются на собственно межличностные, внутриличностные и межгрупповые.

Межгрупповые же подразделяются на «малогруппные», «среднегруппные» и конфликты между большими группами (в которые войдут и международные конфликты).

Можно идти и «снизу». Объединим внутриличностные, собственно межличностные и межгрупповые конфликты в родовое понятие «межличностный конфликт». Это нооконфликты. В них участвуют субъекты. И есть конфликты в биосфере, в том числе зооконфликты (между особями).

Для наглядности представим сказанное на схеме (рис. 2).

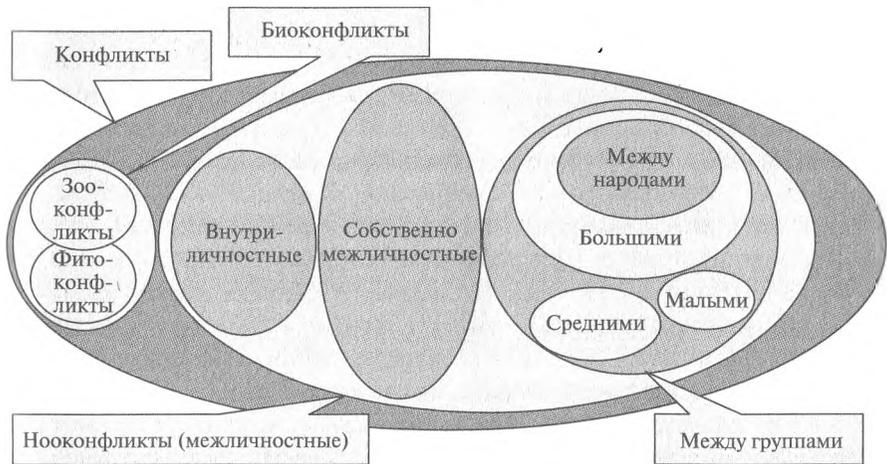

Рис. 2

Именно понимание всех человеческих конфликтов как межличностных ведет, на наш взгляд, к снятию возражения ориентированных на гуманистическую психологию авторов против полезного термина «зоо-конфликт».

Заметим попутно, что ради системности стоит выделить конфликты между человеком и животным (ноозооconfликты), между растениями и животными (фитозооconfликты), между растениями и человеком (фитонооconfликты). Ну так мы можем и вовсе запутаться во всех этих хитросплетениях. Если потребует жизнь и наука, это будет стоить затрачиваемого труда. Но сейчас в этой схоластике разбираться вряд ли целесообразно. Можно уточнять ради научной игры, а можно и не делать этого. Мы только хотели всем этим подчеркнуть возможности большего числа противопоставлений.

Завершая этот разговор, констатируем, что проблема классификации конфликтов далека от разрешения. Аспекты деления переплетаются и запутываются. Имеет смысл совершенствовать классификацию. Работы здесь еще много.

Напрашивается еще одна прагматически значимая классификация конфликтов — по особенностям в «сферах человеческого взаимодействия» [В. Г. Крысько, 2003. С. 116]. Реалистичность ее явствует иногда даже из названий самих работ. Например, можно выделить супружеские конфликты [Т. М. Мишина, 1978; В. А. Сысенко, 1981; В. А. Сысенко, 1983, 1993; Е. С. Калмыкова, 1983; В. П. Левкович, О. Э. Зуськова, 1985; В. П. Левкович, О. Э. Зуськова, 1987; А. П. Егидес, 1987; А. И. Ташева, 1987; К. Витек, 1988; А. Н. Волкова, 1989; Б. Ю. Шапиро, 1990]. Обсуждением *семейных* конфликтов насыщены издания и публикации, посвященные семейной проблематике в целом [С. И. Голод, 1975; И. В. Бестужев-Лада, 1979; А. И. Захаров, 1981; С. И. Голод, 1984; С. В. Ковалев, 1988; В. Владин, Д. Капустин, 1988; П. К. Керш, 1990; Л. Я. Гозман, Ю. Е. Алешина, 1991; В. Сатир, 1992; Т. А. Гурко, 1993; Р. У. Ричардсон, 1994; А. З. Шапиро, 1994; С. И. Голод, 1995; В. С. Торохтий, 1996; В. В. Дружинин, 1996; С. Минухин, Ч. Фишман, 1998; Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис, 1999; Л. Б. Шнейдер, 2000]. «По определению», в семейные конфликты должны войти и супружеские конфликты. Но есть и еще подразделы семейной конфликтологии: родительские конфликты, конфликты разведенных родителей, родительско-детские конфликты.

«Клондайк» конфликтов — *сексуальность* [К. Имелинский, 1973; З. Шнабль, 1982; К. Имелинский, 1983; И. С. Кон, 1989; Э. Берн, 1990; И. С. Кон, 1991; В. Е. Каган, 1991; С. Крадохвил, 1991; Г. С. Васильченко, Ю. А. Решетняк, 1990; Х. С. Каплан, 1994; Г. С. Кочарян, В. С. Кочарян, 1994; З. Лев-Старович, 1995; Психосексология: Хрестоматия, 1998]. Сексуальные конфликты рассматриваются чаще в семейной проблематике, но иногда в рамках несупружеского партнерства.

Понятно, можно выделить *производственные (служебные) конфликты*. Далее, *политические, классовые, национальные (этнические)*. Этнические конфликты, например, рассматриваются в книге Т. А. ван Дейка [1989] «Язык. Познание. Коммуникация». В. Г. Крысько [2003. С. 116] выделяет конфликты «между руководителями и подчиненными».

Между конфликтами в семье и на производстве, сексуальными и национальными, конечно же, есть различия. Но есть и *сходство*. Опираясь

на него, мы будем заниматься конфликтами вообще, беря примеры и материал для изучения отовсюду.

Психологи делят конфликты по *способу поведения в конфликтной ситуации*. Часто психологи говорят об избегании. Близок к этому и термин «уход». К. А. Абульханова-Славская [1991. С. 53–54] пишет, что это может быть уход из семьи, в другую профессию и т. п. Этим человек хочет избежать трудностей. Любая форма ухода, как правило, связана с противоречивой ситуацией, в которой оказалась личность, ее неспособностью продуктивно разрешать противоречия и длительно их выдерживать. Предпочитает пользоваться этим термином и Н. В. Гришина [2000. С. 197]. А вот Б. И. Хасан [1990, 1996] употребляет слово «конфликтофобия». Мы ввели более узкий и более определенный термин «избегание контакта во избежание конфликта» [А. П. Егидес, 1987. С. 24].

Избегание, уход от конфликтного взаимодействия рассматривается конфликтологами как *альтернатива борьбе и переговорам*.

О борьбе как способе конфликтного взаимодействия говорят Дж. Лакофф и М. Джонсон [1990. С. 388–389]. Это, по их определению, стратегия, направленная на подавление одной из сторон конфликта другой. Другие авторы тоже часто прибегают к понятию «борьба». Но понятие это, как и многие другие, далеко не однозначное. И как минимум уточним, что борьба может быть стихийной, не управляемой общественными установлениями. В таком случае можно говорить о неуправляемых, или стихийных, конфликтах. В противовес этим неоптимальным формам реагирования на конфликтогены (избеганию контакта во избежание конфликта и стихийному конфликту) мы выдвигаем возможность системы «мягкая конфронтация—жесткая конфронтация—управляемый конфликт», т. е. речь идет об оптимизации реагирования на конфликтогены. Это тоже можно было бы назвать борьбой, но лучше будем говорить о *сопротивлении*.

Возникает необходимость и такого классификационного деления, где критерием является «сущее/должное». Сущее — это то, что уже существует в конфликтной жизни. Должное — то, что «по замыслу» имеет право на существование. Возможна и другая терминология в этом же ключе. Менее философская, а более психологическая. Можно поделить в конфликтологическом аспекте поведение на *неоптимальное* и *оптимальное*. Обычно конфликтологи не проводят четкого деления в этом плане. Часто неясно, автор *описывает сущее* или *предписывает должное*. А такое деление совершенно необходимо для практической работы.

Проблема определения понятия «конфликт»

Не открытие, что в любой науке много усилий тратится и на уяснение и уточнение объема и содержания понятий (т. е. на определения), и на уяснение и уточнение понятийных соотношений. И здесь полезно было бы уяснить, что понятия бывают двух видов: «конвенциональные» и «стихийные». Конвенциональные понятия возникают в результате первоначального *договора (конвенции)* о том, что под ними понимается. «Пи» — это частное от деления длины окружности на диаметр. Процент — сотая доля числа... Но в подавляющем большинстве понятия — стихийные. О них не договариваются перед тем, как употреблять в речи. А начинают употреблять в каких-то значениях. И суть становится более или менее ясной в процессе использования слов, обозначающих понятия. Никто обычно не объясняет ребенку, что такое стол, стул, кресло, диван. Просто употребляют эти слова в приложении к конкретным предметам. В отношении понятия «конфликт» Н. В. Гришина [2000. С. 203] пишет, что в обыденной речи расшифровка облегчается благодаря контексту, и нет нужды в терминологическом уточнении.

В любой науке употребляются и конвенциональные, и стихийные понятия. Но почти каждый автор, работающий в жанре науки, стремится, чаще всего не осознавая этого, превратить стихийные понятия, которые он «облюбовал», в конвенциональные, т. е. дать им свои, как ему кажется, единственно правильные определения. Здесь, однако, одно «но». Авторы далеко не всегда осознают, что стихийное понятие чаще всего многозначно. Имеется в виду не явно омонимическое противостояние смыслов, как в слове «мир»: мир как вселенная и мир как невойна. А такое расхождение, как в слове «дом»: дом как строение и дом как жилище со скарбом. В таких случаях авторы понравившийся смысл начинают считать единственно возможным. И тогда появляются высказывания типа: это — не то-то, а то-то, и иные точки зрения ошибочны.

На наш взгляд, стихийное понятие превратить в конвенциональное лучше так. Скажем себе и читателям, что возможно употребление данных слов в таких-то смыслах, а мы будем понимать их в таком-то смысле. «Конвенционализация» понятий произойдет спокойнее, если осознается эта многозначность и просто будут предложены варианты. В этом ключе целесообразно разобраться прежде всего с понятием «конфликт». Оно явно относится к стихийным. Не придумал его никто из авторов, а употребляется оно испокон веков. И можно было бы полагаться на *интуитивное*

понимание автора и читателя, основанное на словоупотреблении, и обсудить сразу другие вопросы, связанные с конфликтами.

Точные классификации и определения иногда очень важны, а иногда можно в них так увязнуть, что Ахиллес не догонит черепаху. Вспомним высказывание Пушкина о любомудрах: «Что есть веревка?» Во всем нужно чувство меры. Иногда действительно важно договориться о терминах, чтобы не понимать разное под одним термином. И понять, что под разными словами понимается одно и то же. Но это тогда, когда действительно возможно различие, т. е. над определениями надо работать в меру достаточности и необходимости.

Но коль скоро в психологической проблематике встает вопрос об определениях, обойти его было бы проявлением научного малодушия. Так что обсудим этот схоластический вопрос. И постараемся превратить стихийное понятие в конвенциональное, т. е. попытаемся понять из словоупотребления, что в него вкладывается.

Большинство авторов, *обсуждающих* проблему конфликтов, обычно держат в уме *по умолчанию межличностный конфликт*, лишь изредка вспоминая, что ведь кто-то под словом «конфликт» имеет в виду и внутриличностный конфликт, и межгрупповой. При попытке дать *определение* практически всегда фигурирует только слово «конфликт», без уточнения, какой конфликт. И опять-таки по умолчанию имеется в виду конфликт собственно межличностный. Это корреспондирует с уже цитированными данными А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова [1999. С. 53], что 83 % конфликтологических работ сосредоточены на межличностных конфликтах.

Проведем разбор попыток дать определения.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова [1984. С. 252] конфликт — это *столкновение*, серьезное разногласие, спор (курсив наш. — А. Е.). В «Советском энциклопедическом словаре» [под ред. А. М. Прохорова, 1986. С. 625] слово «конфликт» означает *столкновение* сторон, мнений, сил (курсив наш. — А. Е.). В книге «Психология. Словарь» [под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского, 1990. С. 174] конфликт — это «*столкновение* противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия» (курсив наш. — А. Е.).

Б. И. Хасан [1996. С. 33] в книге «Психотехника конфликта и конфликтная компетентность» пишет, что «конфликт представляет собой актуализировавшееся противоречие», «для... разрешения противоречие... должно воплотиться в действиях в их *столкновении*» (курсив наш. — А. Е.).

Н. В. Гришина [2000. С. 88]: «Межличностные конфликты — это ситуации противоречий, разногласий, *столкновений* между людьми». Она же [2000. С. 16]: «*столкновение* как ядро конфликта» (курсив наш. — А. Е.).

В исследовании А. И. Ташевой [1986] группы с низкой конфликтностью понимали под конфликтом *столкновение* позиций, а группы с высокой конфликтностью — раздор, стычку, схватку.

Итак, слово «*столкновение*» присутствует в определениях понятия «*конфликт*» у многих авторов. Это дает основание Ф. Е. Василюку [1984. С. 42] сказать, что попытка найти определение, которое не противоречило бы всем другим определениям, завершилась бы бессодержательным утверждением «конфликт — это столкновение чего-то с чем-то». И все же далеко не все авторы включают слово *столкновение* в свои определения понятия «конфликт».

Многие авторы по отношению к понятию «конфликт» употребляют слово «*противоречие*».

Так, в «Психологическом словаре» [под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. В. Ломова [и др.], 1983. С. 161] конфликт определяется как «трудноразрешимое *противоречие*, связанное с острыми эмоциональными переживаниями» (курсив наш. — А. Е.). Зафиксируем, что здесь конфликт отождествляется с *противоречием* (и оставим пока в стороне то, что оно трудноразрешимо и связано с острыми переживаниями). В этом же плане можно понять и Н. В. Гришину [2000. С. 88]: «Межличностные конфликты — это ситуации *противоречий, разногласий, столкновений* между людьми» (курсив наш. — А. Е.). То есть конфликт может быть *противоречием*. А может быть столкновением и может быть разногласиями. Если, конечно, автор не понимает это как синонимы (тогда имело бы смысл это обсудить). В другом месте Н. В. Гришина [2000. С. 16] говорит: «...в качестве... атрибута конфликта выступает активность, направленная на преодоление *противоречия*» (курсив наш. — А. Е.), т. е. сам конфликт — это *преодоление* противоречия. В «Психологии и этике делового общения» под ред. В. Н. Лавриненко [2001. С. 311] конфликт — это «высшая степень развития социальных *противоречий*». Много ранее Г. М. Штрак [1977. С. 26] расценивал конфликт как фазу *противоречия*.

Другие психологи не отождествляют понятие «конфликт» и понятие «противоречие», а считают противоречие чем-то, что предшествует конфликту, приводит к нему. Присмотримся еще раз к фразам Б. И. Хасана [1996. С. 33]: «конфликт представляет собой *актуализировавшееся противоречие*», «для своего разрешения *противоречие*... должно воплотиться

в действиях в их *столкновении*» (курсив наш. — А. Е.). Это означает: если противоречие не актуализировавшееся, это еще не конфликт. А если актуализировавшееся, воплощенное в столкновении, — это конфликт.

Ф. М. Бородкин и Н. М. Коряк [1989. С. 177] говорят о том, что *противоречивые* ценности создают условия для столкновения людей, поэтому конфликты неизбежны. Аналогично мыслят А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов [1999. С. 81]. При этом их высказывания более ясные и осознанные. «Под конфликтом понимается наиболее *острый* способ разрешения значимых *противоречий*». «Всевозможные противоречия возникают *везде и всегда, но только часть их разрешается путем конфликтов*» (курсив наш. — А. Е.).

По Н. В. Гришиной [2000. С. 158], противоречие не равнозначно конфликту, а предшествует ему. «Как правило, тесные контакты между людьми... потенциально содержат в себе и множественные виды кооперативных связей, и одновременно — в явном или скрытом виде — *противоречия* в целях и интересах. Тогда в качестве условий возникновения конфликта будут выступать факторы, способствующие *переходу* их взаимодействия в конфликтные формы» (курсив наш. — А. Е.).

Наверное, *конфликт* и *противоречие* в русском словоупотреблении действительно имеет смысл «не отождествлять». У С. И. Ожегова в «Словаре русского языка» [1984. С. 542] противоречие — это «Положение, при котором одно (высказывание, мысль, поступок) исключает другое, несовместимое с ним». Второй смысл: «Высказывание или поступок, направленные против кого-чего-нибудь». Третий смысл: «Противоположность интересов». (А конфликт, по С. И. Ожегову, вспомним, — *столкновение*, серьезное разногласие, спор.)

В нашей статье «Психологическая коррекция конфликтного общения» [Психологический журнал. 1984. № 5. С. 52–53] мы обсуждали соотношение понятий «противоречие» и «конфликт» в следующих фразах. «Нередко линия поведения одного человека противоречит... установкам другого, в связи с чем имеет место попытка принудить изменить линию поведения. Средства чаще всего — агрессивные действия с угрозой физической расправы или нарушения статуса. В таких случаях говорят о конфликтах. Противоречия между потребностями партнеров *могут и не привести к деструктивным действиям*, но все же обуславливают конфронтацию с той или иной степенью межличностной напряженности». И далее: «... сдерживание... агрессивности отступает на второй план по сравнению с системой... приемов, цель которых *не допускать возникновения*

противоречий или конструктивно смягчать их, *предотвратив напряженность и конфликт*. *Надо не разрушать отношения, а разрешать противоречия*.

Нетождественность явлений «противоречие» и «конфликт», предшествование первого второму не исключает разрешения противоречия в процессе самого конфликта, что подчеркивают некоторые авторы. Все же отметим еще раз, что противоречия могут быть, а конфликт (острый способ его разрешения) может при этом не состояться; противоречие может быть разрешено бесконфликтно (Анцупов и Шипилов).

Если авторы не употребляют слово «противоречие», то часто указывают, по крайней мере, на два противоположных начала, которые «участвуют» в конфликте. Например, Аргайл, Фюрнхэм и Грэхем [M. Argyle, A. Furnham, J. Graham, 1981. P. 76] говорят: «конфликт существует, когда интересы *двух сторон* противоположны... или когда стороны преследуют разные и несовместимые цели...» (курсив наш. — А. Е.).

А Ральф Дарендорф [1994. С. 142] не говорил даже о противоположности интересов, но констатировал, по минимуму, что любой конфликт сводится к «отношениям *двух элементов*» (курсив наш. — А. Е.).

Георг Зиммель
(1858–1918)

Аналогично этому задолго до названных авторов родоначальник конфликтологии Георг Зиммель высказал мысль, что конфликт устраняет *дуализм* и воцаряется единство [Дж. Тернер, 1985, С. 131]. Дуализм, два начала. И это устраняется конфликтом. Значит, предполагается противодействие.

Но не любую «противопоставленность» двух элементов и не любое противоречие люди (и в частности, психологи) называют конфликтом. Для того чтобы противопоставленность двух начал и даже противоречие «стало» конфликтом, «нужны» *отрицательные эмоции* во взаимодействии. «*Острые эмоциональные переживания*» называют в качестве признака конфликта авторы приведенного определения в «Психологическом словаре» [1983, С. 161] (курсив наш. — А. Е.). А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов [1999. С. 81] в свое определение вводят слова «обычно сопровождающийся *негативными эмоциями*» (курсив наш. — А. Е.).

Аргайл с соавторами [M. Argyle, A. Furnham, J. Graham, 1981. P. 76], более того, указывает на *соперничество* и *враждебные отношения* (курсив наш. — А. Е.).

Т. Котарбинский [1975. С. 206] говорит о *негативном взаимодействии, о негативной кооперации, или борьбе*. Это, по его мнению, «любое действие с участием, по крайней мере, двух субъектов, где один субъект *препятствует* другому». Котарбинский относит сюда и вооруженные действия, и спортивные соревнования, и интриги, и шантаж, и спор, и интеллектуальное *соперничество*. Общее здесь — борьба: «люди нарочно *затрудняют друг другу достижение целей, усиливая давление принудительных ситуаций*» [1975. С. 206, 224] (курсив наш. — А. Е.).

Дж. Лакофф и М. Джонсон [1990. С. 388–389], Н. В. Гришина [2000. С. 202] предлагают использовать понятие «*борьба*», под которым имеется в виду стратегия *подавления* другой стороны. Дж. Лакофф и М. Джонсон [1987. С. 127–128] говорят даже, что многое в споре частично «структурируется понятием *войны*».

Г. Зиммель — процитируем дальше его высказывание насчет устранения дуализма — смотрел «глубже»: единство достигается иногда «*ценой уничтожения*» (курсив наш. — А. Е.) одной из сторон, участвующих в конфликте» [Дж. Тернер, 1985. С. 131].

Приведем определение Льюиса Козера [L. Coser, 1968. P. 232]. Социальный конфликт — это *борьба* из-за ценностей или претензий на статус, власть или ограниченные ресурсы, в которой целями конфликтующих сторон являются не только достижение желаемого, но также *нейтрализация, нанесение ущерба или устранение соперника*.

В самой общей форме о том же говорит в своем учебнике по социальной психологии Г. М. Андреева [2001. С. 108]. Конфликт, по Андреевой, это не только форма психологического антагонизма (представленности противоречия лишь в сознании), это и наличие *конфликтных действий*.

Ранее говорилось, что, употребляя слово «конфликт» по отношению к людям, некоторые авторы подчеркнуто используют слово «субъект». «Конфликт... возможен лишь тогда, когда его стороны представлены субъектами. Где субъекта нет — не может быть конфликта» [Г. М. Штракс, 1977. С. 26]. Н. В. Гришина [2000. С. 17] на этом основании утверждает, что поле конфликта ограничивается «человеческими» явлениями; о конфликтах между животными говорить нельзя: у них лишь инстинктивное соперничество. Другие авторы [Д. Мак-Фарленд, 1988; А. Я. Анцупов

Льюис Козер
(1913–2008)